

ИВАН ОХЛОБЫСТИН

Охлобыстина я видел много раз: на телеэкране, на фотографиях в газетах и журналах; по долгу службы читал его пьесы. И никогда не был знаком с ним. Поэтому, говоря о нем, приходится многое домысливать, создавать шарж. Но дружеский шарж, как известно, лучше вражеского портрета.

Охлобыстин невысок, но иногда кажется гигантом, подобным Маяковскому (желтая футуристическая кофта ему, правда, не к лицу, но он знаком со множеством других способов эпатажа). Он не похож на традиционного богемного "живчика", но спрятанный глубоко внутри темперамент порой заставляет всерьез поверить, что кровь его бурлит в жилах при тысячеградусной температуре. Сниматься, снимать, вести передачи и при этом постоянно что-то писать — для простого смертного это слишком много.

Пьесы Охлобыстина, как и он сам, подобны детскому конструктору "ЛЕГО", состоящему из сотен разноцветных кубиков. И драматург перемещает, перестраи-

вает все эти кубики с каким-то совершенно ребяческим азартом, создавая эклектичные, сюрреальные образы, подчиненные, однако, железной, однозначной логике драматического сюжета (иначе конструктор просто не соберется и развалится на отдельные "кирпичики").

Этот юный химик любит намешать всего понемножку, и посмотреть, что получится. Но спалить мамину квартиру, школьный кабинет, "Мосфильм" и телецентр Охлобыстину еще не удалось.

Казацкие хоры, проститутки, ниндзя, наркотические галлюцинации в виде трехметровых плошевых грибов (Злодейка, или Крик дельфина) не путаются, а мило дополняют друг друга, как разные вкусные ингредиенты в салате оливье. Московские "молодые интеллектуалы" и всякая "модная молодежь", объединившись, впадают в экстаз от этого "винегрета" и дружной гурьбой ходят на спектакли Михаила Ефремова по пьесам Охлобыстина во МХАТ имени Чехова.

А еще герои Охлобыстина любят пострелять. На недавней премьере "Максимилиана-Столпника" (режиссер Михаил Ефремов, МХАТ), кажется, впервые в истории русского театра на сцене падали из гранатометов! А все потому, что Иван по натуре... драматург-оружейник. Своей точной, технической алгеброй стреляющей драматургии он повергает кислую сумбу-

ную гармонию графоманов. Он вытаскивает каждую реплику своих героев, каждую сцену. Подгоняет каждую деталь так, что перед третьим звонком "оружие" собирается без помех, "затвор" завязки взводится без осечек, и действие неумолимо стремится к финальному "выстрелу".

Да, такая смесь расчета и барочно-декадентской роскоши кое-кому может показаться несколько механистичной. Но сам динамизм действия уже не дает зрителю "заикливаться" на подобных мелочах. Охлобыстин заставляет публику с первых же страниц своей пьесы принять его правила игры, и эта игра опьяняет. Но при этом, после чтения охлобыстинских пьес или просмотра спектаклей не остается того ощущения затяжного похмелья, какое обычно бывает после общения с "глубокомысленным" творчеством некоторых "молодых талантливых" драматургов.

Театр — это всегда сказка для зрителей, будь то взрослый или ребенок. Времена "великих сказочников" или совсем прошли или еще не наступили — понять это сейчас сложно. А Охлобыстину всегда достаются самые громкие аплодисменты партера. И это говорит о том, что он стал первым драматургом, который несмотря ни на что, смог сделать сказкой нашу новую русскую быль.

Валерий КОДАЧИГОВ

Театральный курьер. — 1998. — дек. — с. 12